

# Тема память: кейс стадии на материале современной литературы

## The Topic Memory: A Case Study On the Material of Contemporary Literature

*Иво Поспишил*

---

### Абстракт:

*Автор настоящей статьи анализирует тему, поэтику и жанровую природу произведений, стоящих на грани литературы факта/документальной литературы и беллетристики, т. е. художественной, эстетически значимой словесности, подчеркивая жанр мемуаров или же мемуарной литературы, но и другие жанровые формы, содержащие разные тематические слои, на материале прежде всего чешской литературы, частично и русской, словацкой и украинской. Акцентируется частота такого рода литературы, предвосхищающей переломные моменты истории, т. е. и сейчас, в ожидании грядущих роковых событий.*

### Abstract:

*The author of the present study analyzes the topic, poetics, and genre substance of literary artefacts standing on the boundary of documentary literature and belles lettres, i. e. artistic, aesthetically relevant literature accentuating the memoirs or memoir literature, but also some other genre forms containing various thematic strata on the material, above all, of Czech literature, partly also Russian, Slovak, and Ukrainian. He accentuates the high frequency of such a kind of literature anticipating the turning moments of history i. e. also nowadays, in expectation of future fatal events.*

Ключевые слова:

*литература факта и эстетически значимая литература, мемуары, мемуарная литература, предвосхищение переломных моментов истории*

Key Words:

*documentary literature and aesthetically relevant literature, memoirs, memoir literature, anticipation of turning moments in history*

В мировой литературе последнего времени усиливается тенденция к интегрированию некоторых тематических и поэтологических пластов, которые раньше так сильно не культивировались, а именно жанров, стоящих на грани фикшн и нонфикшн, т. е. публицистики, документальной литературы, литературы факта и художественной литературы, *belles lettres*, беллетристики. Кажется, что именно такие тематические и морфологические структуры постепенно овладели литературой как таковой. Сначала, я думал, настоящее изложение будет касаться как чешской, так и русской литератур, наконец-то решил избрать только некоторые примеры чешской, словацкой, украинской и русской литератур, т. е. более широкий круг произведений, в особенности опыт чешской литературы и в связи с сотой годовщиной со дня возникновения Чехословацкой Республики, так как именно в позапрошлом году появились произведения, реагирующие более или менее на это событие. Обо всех названных произведениях я писал, иногда и несколько раз в разных контекстах – кроме интернет-журнала *Proudý* именно в словацкие журналы *Slovenské pohľady* и *Romboid*.

Именно пограничные жанры выражают тему память наиболее выразительным образом. Тема память обнаруживается в разных формах и жанровых структурах. Среди них ключевое место занимают мемуары или, по нашей терминологии, мемуарные жанры или пласты, связанные, сверх того, с другими жанровыми построениями, носящими черты документальности и историзма, которыми я в прошлом не раз занимался (Pospíšil 2016a, 2016b, 2017).

В давнем прошлом, т. е. примерно 35 лет назад, я систематически занимался проблематикой хроники и романа-хроники или романической или же романной хроники в русской литературе и в общем масштабе. В итоге были опубликованы десятки статей, две книги, в которых рассматриваются разные жанровые формы существования хроники, и отдельные главы или пассажи в книгах, посвященных другим, более широким или близким темам.

В наших двух книгах, посвященных специально роману-хронике, в особенности в *Лабиринте хроники*, который носит более общий характер, приводится основная типология хроники и связи с другими пограничными жанрами. Типология основана на концепции противопоставления метода и жанра, которые переплетаются таким образом, что материал жанра на определенной стадии развития ликвидирует метод, который изменяется, изменяя одновременно и самую сущность жанра, т. е. трансформируясь в другую жанровую форму. В связи с такими критериями мы пришли к типологии хроники на эмбриональную, т. е. древнюю хронику античного времени и средневековья, романизованную хронику, т. е. эмбриональную хронику, обогащенную замкнутыми историями, роман-хронику, т. е. жанровый гибрид в форме романа с временно последовательной организацией сюжета, и хроникализированный роман, в котором хроника присутствует только некоторыми элементами и не имеет решающего влияния на построение жанра как такового. Хроника как стержневой жанр в нашей концепции оказалась, таким образом, в передаче комплекса разных жанров, начиная с мифа и кончая публицистическими формами. В связи с развитием хроники и романа речь идет о сплочении методологии и терминологии: кроме романа встречаются такие термины, как история или новелла в смысле романа. Строение такого жанрового комплекса усложняется и „литературированием истории или историографии“, т. е. переплетением жанров научных и эстетически значимых.<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Более подробно о нашем исследовании жанра хроники см. статью Pospíšil, Ivo. 2019. „Аксиологическая ось пограничных жанров.“ In *Revitalizace hodnot: umění a literatura IV*, ed. Josef Dohnal, 109–20. Brno: Tribun EU.

Именно мемуарные жанры, у которых своя типология, стоят близко к хронике и хроникальным структурам. Тогда мы исходили из тезиса, что мемуары и хроника связаны еще с давнего прошлого тесными узами и что внутри широко понимаемых мемуаров виднеется гибкий предел, образующий щели, через которые пробивается хроника, идущая насквозь, поперек разных типов мемуарной литературы. Разумеется, что жанров „на грани“ больше, включая биографический и автобиографический роман; сплочение мемуаров как индивидуалистического жанра и хроники как объективистской жанровой формы происходит через повествователя: цель – внедрить в призму индивидуалистического повествования объективную точку зрения извне или, наоборот, в объективирующий поток повествования – индивидуальный оттиск, отпечаток.

Наиболее частым типом мемуаров является компромиссная структура с документальной основой и внутренними беллетристическими пластами, которые придают повествованию эстетические измерения, не теряя документальной значимости. Важнее всего то, что, несмотря на меру беллетристической стилизации мемуаров, они никогда полностью не теряют отношения к внеэстетической правдивости исторического типа, т. е. документальности, хотя с индивидуальным преломлением. В этом случае обретает смысл выражение „правда и ложь мемуаров“.

Именно современность, т. е. период на рубеже XX и XXI веков, является временем ожидания больших коренных изменений во всем мире. Хотя сначала казалось, что во всем мире наступает почти идиллическое бесконфликтное время, события 90-х годов прошлого века и последующий период скорее показали не только новые кризисные явления, но, откровенно говоря, и роковые перевороты. Мир привели в движение подспудные течения. Мемуары в странах Центральной и Восточной Европы, с одной стороны, ностальгически говорят о прошлом, резюмируя развитие общества вплоть до конца 80-х годов, или описывают события 90-х годов прошлого века, т. е. время обновления капитализма, приватизации, конфликтов

и экономических интересов, усиливающейся коррупции – и среди всего этого – судьбы отдельных персонажей.

Общепринятым является тезис, согласно которому лучше мемуары не писать, так как нельзя достигнуть их исторической правдивости. Это определено их внутренним строением, а также известными внешними факторами, давлением общественной и политической ситуации на автора, которое приводит к тому, что мемуарист слишком сильно старается избегать конфликтов, судебных дел, вообще того, что могло бы ему повредить, например, в быту, в профессии и т. д., как мы об этом писали. В современном обществе такие опасения вполне оправданы, так как человек больше, чем когда-либо в прошлом, является лишь игрушкой подспудно и потаенно правящих сил, которые нельзя точно идентифицировать. Так что сейчас угрожает всё всему и все всем. Некоторые думают, что именно этот факт является первопричиной того, что такое долгое время не было войны и что постоянно ожидается третья мировая, хотя на самом деле она давно уже происходит, только мало кто ее замечает. Это, с другой стороны, пожалуй, наиболее показательный успех скрытых правителей мира сего. Я уже не раз о нем писал, в последнее время в книге эссе, статей, глосс и комментариев на чешском языке *Когда не разгуляется или Сумерки* (Pospíšil 2015a, 100).

Это то, что характеризует современные мемуары и что тесно связано с вопросом об их гетерогенности и их завуалировании. Мемуары выступают зачастую в скрытой и завуалированной жанровой форме, в нарративных масках, в которых собственные авторские взгляды мемуаристов спрятаны под пластом других высказываний, мета- или же метаметатекстов; все подается косвенным образом, так что размытость, расфокусирование, неуверенность, эвфемистичность, уклончивость являются главными признаками современного этапа развития мемуарной литературы.

Если примером более или менее современных мемуаров, относящихся ко второй половине 20 века, можно считать известные мемуары чешского специалиста по романским литературам, литературного

критика и издателя известного *Критического ежемесячника* (*Kritický měsíčník*), подписанта *Харты 77*, то можно лишь добавить, что это типичные мемуары „angry old man“, разгневанного интеллектуала Вацлава Черного (1905–1987). Они – плоды „драконового посева“ – представляют собой классическую мемуарную структуру, т. е. анализ судьбы человека в давлении исторического времени (Šterný 1992, 1994). Мемуары были бескомпромиссны в своих оценках и, следовательно, вызывали еще при жизни автора противоположные реакции за границей бывшей Чехословакии (здесь могли официально издаваться лишь после 1989 года). Примером современного варианта классических мемуаров могут служить мемуары Ладислава Штайдла, известного чешского композитора, представителя „среднего течения“ чешской популярной музыки 60–80-х годов 20 века (Štáidl 2003, Pospíšil 2006, 237–50). Эти мемуары представляют своего рода его жизненный баланс. Важно и то, что автор занимается только мало исследуемым периодом чехословацкой нормализации (1970–1989). Единственной нарративной маской мемуариста остается ироническое расстояние, сдержанность и трезвость. С этим связан и определенный сдержанный пессимизм и, может быть, легкий, но опять-таки субъективно правдивый цинизм мемуаров.

В виде исключения встречаются мемуары духовной жизни, скрытые под дневником читателя, как, например, в книге Антонина Гоштылка (Hošťálek 2015).

Особый вид мемуаров образуют воспоминания политических лиц или людей, которые стояли близко к важным событиям политической и культурной жизни. Таковы, например, мемуары Ярославы Вондрачковой (Vondráčková 2014) об известном писателе и переводчике с русского языка Йиржи Вейле (Jiří Weil, 1900–1959). Именно в этом тексте видно, что классификация или типология мемуаров вытекает также из нарративной стратегии. В некоторых мемуарах речь идет, главным образом, об изображении среды и людей, в других это скорее автобиография мемуариста, темой является особый эгоцентризм автора – все сосредоточивается на нем и на его проблемах и страданиях. Таковы мемуары словацкого литературоведа

Юлиуса Вановича (Vanovič 2014), т. е. их функциональный эгоцентризм, четко выраженная точка зрения, что касается и строгих оценок некоторых представленных лиц. Близко к мемуарам Вановича стоят воспоминания профессора Карлова Университета, известного чешского русиста и балтиста Радегаста Паролека (Parolek 2013): гиперболизация лица мемуариста, который является центром всего, метод портретов видных лиц, описание которых зависит от их отношения к мемуаристу.

Совсем иными кажутся мемуары с продолжением другого профессора Карлова Университета Милана Гралы, известного специалиста по русской советской литературе, в особенности сатире, и транслатологии (Hrala 2010, 2014, 2007). Концепция его воспоминаний исходит из мозаики историй, маленьких глав или разделов, зачастую анекдотического характера.

Особым типом мемуаров являются политические воспоминания о разных периодах истории: авторы – видные деятели политики и культуры или их родственники. Среди них специфическое место занимают мемуары чешского драматурга и политика Милана Угде (Uhde 2013).<sup>2</sup>

Тема память встречается, однако, и в других литературных жанрах, в том числе и в лирической поэзии. Таковы сборники стихов брненского литературоведа, историка, критика литературы, поэта Ладислава Солдана/Юрковича (Jurkovič 2018). Его стихотворения являются записью переживаний и комментарием прошлого и настоящего – они насыщены десятками имен, названий и разного рода ситуаций, зачастую выраженных сочным юмором, сатирой и вульгаризмами. Поэт публикует свои стихи в последнее время ежегодно, так как они постепенно перерастают в особый поэтический анализ текущих событий (Pospíšil 2018). Почти тот же самый характер особой

<sup>2</sup> Более подробное перечисление разных типов мемуаров в чешской литературе см. нашу статью: Pospíšil, Ivo. 2016b. „Правда и ложь мемуаров.“ *Conversatoria Litteraria. Prawda i kłamstwo. Problematyka. Interpretacje. Konteksty*, č. 10: 21–35.

смеси современности, старости и прошлого, т. е. молодости, представляют собой сборники стихов Иво Одегнала (Odehnal 2018). Тема память связана и с новой оценкой или же с переоценкой видных лиц чешской литературы (обычно по случаю их годовщин, например, Карела Чапека и Петра Безруча), и с заново обнаруженной перепиской (Cetkovský 2018, Všetická 2018).

Воспоминания, мемуарные тексты, дневниковые записи иногда касаются и доминантных лиц чешской политики прошлого и почти настоящего, в том числе Томаша Масарика, Яна Масарика и Вацлава Гавела. В этом случае преобладают тексты, стоящие скорее на стороне документальности, истории, литературы факта, чем беллетристики (Pospíšil 2017, Glockner 2018).

В истории чешской нации и чехословацкой государственности выдающуюся роль играют два чешских и чехословацких политика – отец и сын – Томаш Гарриг Масарик (1850–1937) и Ян Масарик (1886–1948). Оба они представляют – будто бы символически – два пути сильных индивидуумов-политиков.

Отец попал в политику через университетскую карьеру как известный социолог и историк философии, частично и как философ истории, который стал заниматься политикой сравнительно поздно; сын как типичный американский *selfmademan*, первоначально *loser*, неудачник, неуспешный студент, скорее человек практики, который свой жизненный опыт приобрел с помощью отца и его знакомых в США и который постепенно стал помощником, консультантом и близким человеком министра иностранных дел д-р Эдварда Бенеша и позже – министром иностранных дел Чехословакии в течение Второй мировой войны в Лондоне и в освобожденной Чехословакии, воплощал преемственность с первой Чехословацкой Республикой вплоть до коммунистического переворота, после которого он трагически погиб. С одной стороны, успешный политик, в международной жизни известный и почитаемый общественный деятель, серьезный, но не всегда, с другой – самоучка, который стал успешным силой своей личности, обаянием, зачастую нетрадиционными подходами и сочным юмором типичных чешских анекдотов, и это сближало его с народом.



У обоих была и сокровенная жизнь, скрытая сторона их личности, оба прошли своим путем, который ознаменовал изменения в их психике и жизненных философиях.

Отец Т. Г. М. – моравский юноша, который вел себя как все в его среде, т. е., как сам признает в разговорах с Карлом Чапеком, пил вино, позже и курил, не чуждался женского пола, однако затем под влиянием жены, американской протестантки датско-французского происхождения (гугеноты) стал аскетичным, критичным к своему образу жизни в венской университетской молодости. После кончины своей жены в глубокой старости он тайком возвращался к своим потаенным страстям, именно и к женщинам. Известно его любовное отношение к писательнице Олдржишке (Олдре) Седлмайеровой (Oldřiška Sedlmayerová, 1884–1954), которая стала интимной подругой президента Чехословакии в период 1928–1934 (Masaryk 2006). В своих письмах президент не избегал страстных исповедей и искренних признаний, свидетельствующих о настоящих интимных связях. Под давлением семьи, главным образом его дочери, строгой пуританки Алицы, может быть, и под влиянием других обстоятельств, в том числе его роли и ореола президента, скорее однако его „мифа“ будто бы нравственной чистоты и, вполне возможно, определенной доли разочарования в интеллектуальной силе писательницы, их отношения охладели и закончились.<sup>3</sup>

Мифологизация Т. Г. Масарика – это термин, скорее преувеличивающий некоторые черты его личности и их интерпретацию на протяжении десятилетий, чем отражающий реальный процесс мифологизации личности, как это обычно происходит в XX веке. Все-таки некоторые аспекты требуют более тщательного изучения жизненных и ментальных фактов. Один аспект уже упоминался в связи

<sup>3</sup> Олдржишка Седлмайерова написала ряд интересных книг, скорее популярного характера, см. Wikipedie. 2020. „Oldra Sedlmayerová.“ 14. 7. 2020. [https://cs.wikipedia.org/wiki/Oldra\\_Sedlmayerov%C3%A1](https://cs.wikipedia.org/wiki/Oldra_Sedlmayerov%C3%A1)., Databazeknih. 2020. „Oldra Sedlmayerová.“ 29. 7. 2020. <https://www.databazeknih.cz/vydane-knihy/oldra-sedlmayerova-66128>.

с противоречием между строгим, аскетичным, нравственно закаленным философом и динамическим, откровенным, страстным человеком со здоровыми биологическими инстинктами. Второй аспект связан с его таинственным происхождением, о котором меньше писали, но зато больше говорили и рассуждали.<sup>4</sup>

В последние годы были опубликованы две книги, которые бросили новый свет на обе личности с огромным мифологизирующим потенциалом. Первой является книга со странным названием *Президент императора* (Glockner 2015). Она основана на гипотезе, которая не раз упоминалась в чешской прессе в прошлом, но скорее намеками и сдержанно, что Т. Г. Масарик был сыном предпоследнего австрийского/австро-венгерского императора Франца Йосефа Первого. Гипотезы, касающиеся происхождения будущего президента, были разные: от Меттерниха по богатого еврейского предпринимателя, чем одновременно объяснялось и положительное отношение Масарика к евреям. Гипотеза об императорском происхождении подкреплялась в 90-х гг. новыми сведениями. Автор и соавтор книги, настоящее имя которого Владимир Дундр (род. 1971), написал несколько книг, главным образом из области литературы факта<sup>5</sup>; соавтор является и совладельцем авторских прав. Тема очень деликатная, в большей степени для чехов, чем для словаков или австрийцев и габсбургов, скорее потаенная в качестве неуместной, непригодной. Казалось невероятным, чтобы мать Масарика, сравнительно образованная женщина, говорящая по-немецки и ознакомленная с образом жизни господ, вышла замуж за полуграмотного кучера, который потом, однако, поднимался по ступенькам социальной иерархии,

<sup>4</sup> См. Brněnský deník. „Vědci: Otcem Masaryka byl možná rakouský císař František Josef I.“ *Brněnský deník.cz*, 18. 9. 2007. [http://brnensky.denik.cz/rozhovor/rozhovoro\\_historik\\_vykoupil\\_ma.html](http://brnensky.denik.cz/rozhovor/rozhovoro_historik_vykoupil_ma.html)., Zídek, Petr. 2015. „Masaryk, syn Franze Josefa.“ *Lidové noviny. Orientace*, 8.–9. 8. 2015, 20. (Рецензия на новую книгу, см. ниже.)

<sup>5</sup> Например, Glockner, David. 2009. *Satanovo vejce*. Řitka: Daranus., Glockner, David. 2010. *Zlý sen*. Praha: Epocha., Glockner, David. 2013. *Dvě. Když vás pronásleduje minulost jménem Mengele*. Praha: BVD.

что поддерживало гипотезу о том, что император постоянно посредством ряда лиц следил за своим побочным ребенком.

Можно сослаться и на блестящую рецензию редактора приложения газеты *Лидове новины*. *Ориентаце* Петра Зидека, бывшего коллеги автора, который упоминает о самом убедительном свидетельстве о настоящем отце будущего чехословацкого президента, а именно об исследовании профессора философии Отакара Фунды (Otakar Funda, род. 1943), который в 1994 г. имел в Вене возможность заниматься архивными материалами о Масарике и Франце Йосефе I, включая и известную заметку в дневнике императора „Kropaczek erl.“ – т. е. „erledigt“, следовательно, „Кропачкова – оформлено (ad acta)“ – эта немецкая версия имени матери в дневнике императора появляется не раз. Фунда, как здесь утверждается, свои определения (в архиве ему не позволили ни снимать копии, ни делать выписки) включил в *Меморандум*, адресованный некоторым чешским институциям, включая и Институт Т. Г. Масарика в Праге, но не хотел, так как он очень уважает Масарика, прославиться таким образом<sup>6</sup>.

Мифизация сына Т. Г. М. Яна Масарика (1886–1948) связана с его поведением, откровенным подходом к людям, обостренным социальным чувством. Недаром на его ночном столике постоянное место занимали *Библия* и *Бравый солдат Швейк*. Ему приписывается и целый ряд сочных анекдотов; в письменном виде их запечатлели мемуары Виктора Фишля (Viktor Fischl)<sup>7</sup>. Но главный элемент мифизации

<sup>6</sup> См. рец. П. Зидека: Zidek, Petr. 2015. „Masaryk, syn Franze Josefa.“ *Lidové noviny. Orientace*, 8.–9. 8. 2015, 20.

<sup>7</sup> Fischl, Viktor. 1991. *Hovory s Janem Masarykem*. Praha: Mladá fronta. Текст был впервые опубликован в Израиле в 1951 (Тель-Авив), позже в издательстве Йосефа Шкворецкого Sixty-Eight Publishers (Toronto), позже несколько раз в Чехословакии и в Чешской Республике. В 1968–1969 текст распространялся в качестве самиздата в Чехословакии; таким образом я с ним впервые и ознакомился, точнее говоря, в течение одной ночи, так как его циркуляция была – по известным причинам – временно ограничена. Виктор Фишль (в Израиле он принял новоеврейское имя Авиغدор Даган, род. 1912 Градец Кралове – скончался 2006 Иерусалим), был чешским, еврейским и израильским поэтом и прозаиком, упоминается и в известной *Истории чешской*

связан с его преждевременной трагической смертью, провозглашенной сначала самоубийством после коммунистического парламентского переворота.<sup>8</sup> Пересмотр следствия его смерти пошел по трем этапам. Первый связан с уже упомянутым нами открытым письмом-заявлением на пересмотр дела философа Ивана Свитака, которое было адресовано генеральному прокурору Чехословацкой Социалистической Республики в 1968 г.; второй – с периодом после 1990 г., третий – с последними пересмотрами и следствиями – заключения разные, но в большинстве своем они тяготеют к вердикту заговора и убийства, в котором обвиняются тайные службы СССР и чехословацкой коммунистической Государственной Безопасности.<sup>9</sup> Настоящая книга вносит в казус новые факты, открывая новое „окно“ совсем в другую сторону (Janečková 2015). Прорубленное „окно“ в смысле новых заключений в деле трагической смерти министра иностранных дел Чехословакии Яна Масарика не окно, из которого он „выпал“ или из которого его кто-то выбросил на внутренний двор Чернинского дворца, но путь в другое направление следствия. По моему мнению, речь идет не только о новом направлении в конкретном

литературы А. Новака от 1936 г. Также см. книгу Thiele, Vladimír. 1969. *Úsměvy Jana Masaryka*. Melantrich, Praha.

- <sup>8</sup> См. Wikipedie. 2020. „Smrt Jana Masaryka.“ 23. 7. 2020. [https://cs.wikipedia.org/wiki/Smrt\\_Jana\\_Masaryka](https://cs.wikipedia.org/wiki/Smrt_Jana_Masaryka).
- <sup>9</sup> Sum, Antonín a kol. 2005. *Jan Masaryk, (úvahy o jeho smrti)*, ed. Ladislava Kremličová. Praha: Úřad dokumentace a vyšetřování zločinů komunismu., Bass, Ludvík. 2002. *Akta Masaryk. Román ze studené války*. Praha: Gemini 99., Davenportová, Marcia. 1991. *Jan Masaryk. Poslední portrét*. Praha: Panorama., Havel, Jan. 1998. *Smrt Jana Masaryka očima kriminalisty. Ve stínu úvah a ve světle dokumentů*. Vizovice: Lípa., Kettner, Petr, a Ivan Milan Jedlička. 1990. *Proč zemřel Jan Masaryk?* Praha: Horizont., Kosatík, Pavel, a Michal Kolář. 1998. *Jan Masaryk. Pravdivý příběh*. Praha: Mladá fronta., Lockhart, Robert H. B. 2003. *Jan Masaryk. Osobní vzpomínky*. Krnov: Vladimír Kořínek., Sterlingová, Claire. 1991. *Případ Masaryk*. Praha: Leprez. (1. české vydání 1972. Mnichov: CCC Books. Překlad anglického originálu 1969. *The Masaryk Case*. Harper & Row.), Sum, Antonín. 2000. *Otec a syn. Tomáš Garrigue a Jan Masarykové ve vzpomínkách přátel a pamětníků*. Praha: Pragma., Vaněk, Vladimír. 1994. *Jan Masaryk*. Praha: Torst.

деле, но об общем сдвиге в рассмотрении периода, пожалуй, с 1938 по 1956 год и, может быть, еще дальше.<sup>10</sup>

Интересной, недавно нашумевшей книгой является текст Йитки Воднянской, которая была долгое время, даже в ключевые моменты истории, подругой будущего президента Вацлава Гавела и даже ожидала с ним ребенка (Vodňanská 2018). С одной стороны, некоторые критики осудили книгу как сенсационную и с литературной точки зрения слабую, другие старались писать о ней содержательно и трезво, объективно. Мне кажется, что главной чертой ее мемуаров, которые содержат и дневниковые записи и корреспонденцию, является искренность и откровенность, даже художественный уровень текста хороший и приемлемый.

В конце нашего изложения о теме память стоят три произведения утопического и одновременно дистопического характера, пронизанные историософическими элементами. Автор первого – видный русский писатель, популярный во всей Европе – Евгений Водолазкин.

Его роман *Лавр* (Vodolazkin 2014) состоит из пяти разделов, а именно: Прологомена, Книга познания, Книга отречения, Книга пути и Книга покоя. Смотреть на структуру романа с точки зрения религий и философий, понимающих человеческую жизнь как своего рода путь, было бы недоразумением, так как роман в целом гораздо сложнее и проще одновременно: жизненный путь представляет собой цепи тысячи деталей, связанных воедино и отражающих друг друга в громадных зеркалах бытия, в которых время постепенно исчезает, растворяется в чередующихся пространствах, рисуя наглядно биологические этапы жизни от вступления, входа к охвату мирового опыта до колебаний и пересмотра, ревизии, т. е. до отречения, испытаний и до конечного этапа предсмертного покоя. Преодоление времени представлено, прежде всего, извечными языковыми формулами,

<sup>10</sup> Более подробно см. нашу статью (Pospíšil 2017, 23–33). См. также беллетристическое выражение концепции автора в его романе на одинаковую тему (Glockner 2018).

связанными с церковнославянизмами, которые используют некоторые лица в определенные моменты и в определенных ситуациях.

Действие романа происходит в центральной России, а также на пути в Европу и на Восток к Гробу Господню, где Арсений/Лавр принужден смотреть на смерть своих близких и где он был тяжело ранен, но проявляет свой врожденный альтруизм (здесь он снова близок персонажам ефремовских романов), помогая все преодолеть вплоть до последнего вздоха. Непоколебимая, мнимо наивная вера в победу добра, ненасилия, мягкости, т. е. лучшего понимания мира и вселенной, представляют собой идейную доминанту романа.

С другой стороны, интерес к истории в форме какой-то „новой истории“, который охватывает как науки, так и беллетристику, связывает роман Водолазкина с подобными романскими структурами в других национальных литературах. Эта струя художественной словесности имеет свои корни, связывающие по ее поэтике – как мы ее когда-то назвали – „литературой виртуальной аутентичности и экзистенциальной неуверенности“; это термин, который мы использовали в нескольких статьях и книгах (Pospíšil 2013).

На самом деле, речь идет о преодолении одностороннего синхронного подхода, который именно в XX веке доминировал посредством имманентных, функциональных методов в науке и искусствах. Может быть, преклонение перед синхронным подходом и пренебрежение к историзму, диахронии привели к некоторым бесповоротным событиям в современной истории Европы и мира. Возобновление интереса к истории, диахронии примерно с половины XX века связано с новым историзмом, новыми поисками строения истории, в искусстве – с новыми приемами исторической беллетристики, которая больше не ограничивается фактографией прошлого, а вдохновляется образованием единого пространственно-временного целого.

Утрата линейного времени приводит к сплочению разных эпох в одно ценностное целое. Парадоксальным образом усиление историчности приводит к утрате истории и к образованию вневременного, или, точнее, сверхвременного комплекса людей и событий.

В романе *Авиатор* (Vodolazkin 2016) автор использует, кажется, и воспоминания своего медиевистского учителя Д. С. Лихачева о его заключении в Соловках. Игра со временем является и здесь тематической и морфологической доминантой произведения, разные временные пласты, нарушение границы прошлого, настоящего и будущего и, главным образом, грусть и ностальгия и непобедимость законов космоса являются доминантой сюжета и идейной ориентации романа; с этой стороны точность и эстетическая действенность ослабевают. Связь с приемами романов Дэна Брауна<sup>11</sup> бросается в глаза. Однако кажется, что авторская поэтика находится на важном перекрестке.

Другим примером является роман украинской писательницы, дочери славного отца Юрия, Софии Андрухович о прошлом Галиции, который напоминает когда-то популярный роман чешского романиста и новеллиста Ладислава Фукса *Герцогиня и кухарка* (*Vévodkyně a kuchařka*, 1986) – тема – сумерки империи.<sup>12</sup>

Чешским вариантом произведения, которое тему память связывает с жанром дистопии и утопии является роман Михаэла Доубека *Неприспособление* (Doubek 2017) с мотивом исторического лица Парацельса (1493–1541) и жанровой доминантой смеси утопии и дистопии и перекрестка истории человечества.

Доубек отвечает на читательский спрос темными представлениями будущего человечества, функционирующих политических систем, связанных с фантастическими и магическими мотивами.

Тема память, обнаруживающаяся, главным образом, в широком поясе жанров на грани публицистики, науки, популярной литературы и беллетристики, касается, разумеется, и чисто историографических исследований, которые, как сейчас принято в рамках олитературивания общественных наук и философии, носят выразительно

<sup>11</sup> Brown, Dan. 2017. *Origin*. London: Transworld., čes. Brown, Dan. 2018. *Počátek*. Praha: Argo., slov. Brown, Dan. 2018. *Pôvod*. Bratislava: Ikar.

<sup>12</sup> См. чешский перевод (оригинал 2014): Andruchovyč, Sofija. 2017. *Felix Austria*. Brno: Větrné mlýny.

нарративный и эстетически значимый характер, например, книги молодого историка Михала Махачека о Густаве Гусаке или книги чешско-немецкого историка Эвы Гановой. Все они появляются в переломные моменты нашей истории и ожидания новых, потрясающих событий. Как мы показали когда-то в связи с жанром романа-хроники, произведения такого рода всегда оглядываются, сравнивая прошлое с настоящим, встречаясь именно в такие моменты истории. Они сигнализируют о новых переворотах, доказывая, что литература имеет и антиципационную роль, функцию особого предвосхищения.

### Литература:

- Cetkovský, Petr, ed. 2018. *Dopisy Petra Bezruče*. Algomed.
- Černý, Václav. 1992. *Paměti II. 1938–1945. Křik Koruny české*. Brno: Atlantis.
- Černý, Václav. 1994. *Paměti I. 1921–1938*. Brno: Atlantis.
- Doubek, Michael. 2017. *Nepřizpůsobivost*. Křenovice: Kmen.
- Glockner, David. 2015. *Císařův prezident: tajemství rodiny Tomáše Garrigua Masaryka*. Praha: Knižní klub.
- Glockner, David. 2018. *Císařův levoboček. Byl Masaryk kostlivcem ve skříni Františka Josefa? Historický román*. Praha: Euromedia Group.
- Hošťálek, Antonín. 2015. *Deník čtenáře 2014–2015*. Brno: Moravskoslezský kruh.
- Hrala, Milan. 2007. *Ruská moderní literatura 1890–2000*. Praha: Karolinum.
- Hrala, Milan. 2010. *Všecko bylo trochu jinak*. Ústí nad Orlicí: Oftis.
- Hrala, Milan. 2014. *Všecko bylo trochu jinak. Dodatky*. Ústí nad Orlicí: Oftis.
- Jandečková, Václava. 2015. *Kauza Jan Masaryk (Nový pohled). Doznání k vraždě a tajný přešetřovací proces StB z let 1950–1951*. Domažlice: Nakladatelství Českého lesa.
- Jurkovič, Ladislav. 2018. *Až pod zuby slov. Básně z roku 2018*. Brno: Tribun EU.



- Macháček, Michal. 2017. *Gustáv Husák*. Praha: Vyšehrad.
- Masaryk, Tomáš Garrigue. 2006. *Dopisy Oldře*. Praha: In život.
- Odehnal, Ivo. 2018. *Úklid neklidu – Neklid úklidu (2017–2018)*. Brno: Barrister & Principal.
- Parolek, Radegast. 2013. *Kruté i krásné dvacáté století. Memoárová mozaika v pěti dílech*. Praha: Academia.
- Pospíšil, Ivo. 2004. „Ironie a citlivost (Ladislav Štaidl: Víno z hroznů. Red.: Jan Dobiáš, vydal Ladislav Štaidl, Praha 2003).“ *KAM-příloha X*, č. 9, XI–XII.
- Pospíšil, Ivo. 2006. „Souvislosti dnešní české a slovenské prózy a jedna provokativní marginálie (Víno z hroznů Ladislava Štaidla).“ In *K poetologickým a axiologickým aspektom slovenskej literatúry po roku 1989*, ed. Marta Součková, 237–50. Prešov: Filozofická fakulta.
- Pospíšil, Ivo. 2013. *K teorii ruské literatury a jejím souvislostem*. Brno: Masarykova univerzita.
- Pospíšil, Ivo. 2015a. *Když se nevyčásí aneb Stmívání*. Brno: Jan Sojnek – Galium.
- Pospíšil, Ivo. 2015b. „Феномен связи литературоведения и литературного творчества: Евгений Ляцкий и Евгений Водолазкин на контекстуальном фоне.“ In *Универсалии русской литературы 6. Сборник статей*, 227–44. Воронеж: Научная книга.
- Pospíšil, Ivo. 2016a. „Kvázimemoáry jako mentální signál (české a slovenské příklady).“ In *Poetika prózy v česko-slovenských souvislostech*, ed. Ivo Pospíšil, 169–78. Brno: Jan Sojnek – Galium.
- Pospíšil, Ivo. 2016b. „Правда и ложь мемуаров.“ *Conversatoria Litteraria. Prawda i kłamstwo. Problematyka. Interpretacje. Konteksty*, č. 10: 21–35.
- Pospíšil, Ivo. 2017. „Новая мифизация и демифизация/идолатризация и демифизация/деидолатризация – Т. Г. Масарик и Ян Масарик.“ In *Национальные мифы в литературе и культуре*, eds. Ewa Kozak, Piotr Paweł Repczyński, 23–33. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach.
- Pospíšil, Ivo. 2018. „Poezie Ladislava Soldána jako způsob přežití.“ In *Poetika poézie a jej prekladu: venované životnému výročí básníka*,

- literárneho vedca a prekladateľa Jána Zambora*, ed. Andrea Bokníková. Bratislava: Univerzita Komenského.
- Pospíšil, Ivo. 2019. „Аксиологическая ось пограничных жанров.“ In *Revitalizace hodnot: umění a literatura IV*, ed. Josef Dohnal, 109–20. Brno: Tribun EU.
- Štaidl, Ladislav. 2003. *Víno z hroznů*. Praha: Ladislav Štaidl.
- Uhde, Milan. 2013. *Rozpomínky. Co na sebe vím*. Praha, Brno: Torst, Host.
- Vanovič, Július. 2014. *Zápisky z mŕtveho času. Antimemoáre*. Bratislava: Literárne informačné centrum.
- Vodňanská, Jitka. 2018. *Voda, která hoří*. Praha: Torst.
- Vodolazkin, Evgenii. 2016. *Laurus*. Praha: Omega.
- Vodolazkin, Jevgenij. 2014. *Lavr*. Moskva: AST.
- Vodolazkin, Jevgenij. 2016. *Aviator*. Moskva: AST.
- Vodolazkin, Jevgenij. 2018. *Letec*. Praha: Omega.
- Vondráčková, Jaroslava. 2014. *Mrazilo – tálo. (O Jiřím Weilovi)*. Praha: Torst.
- Všetička, František. 2018. *Bezručova báseň. O poetice básníkovy poezie*. Olomouc: Václav Lukeš – Poznání.

Prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc.  
Katedra ruského jazyka a literatury  
Pedagogická fakulta, Univerzita Hradec Králové  
Rokitanského 62  
500 03 Hradec Králové  
Česká republika  
Ivo.Pospisil@phil.muni.cz